ной России – социологии государственного и муниципального управления, управления бизнесом, через выявление специфики управленческих решений, разработку механизмов социального прогнозирования, планирования, программирования. В современных условиях основной узел российских противоречий, по мнению большинства аналитиков, сосредоточен в сферах управления: экономической, политической, социальной и без их решения дальнейшее развитие невозможно.

Следует согласиться с позицией д-ра социол. наук А. В. Тихонова, что развитие социологии управления невозможно без использования специфических методов и процедур¹ – оргструктурного, социотехнического, идентификационного, социально-коммуникативного.

Наиболее эффективной сферой приложения сил социологов в управлении социальными системами следует признать разработку социальных технологий как механизма превращения теоретических знаний в прикладные, механизма решения практических задач.

Социология управления будет востребована там и тогда, где «реализуется коллективная деятельность, в рамках которой ошибки в решениях быстро сказываются на результатах – либо на эффективности, либо на выживании организации»².

Л. Н. Боронина

О КАТЕГОРИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Вопрос о категориях и понятиях в любой науке – вопрос кардинальный, определяющий сущностную основу и содержание данной науки. Как известно, философия трактует категории как объективные универсальные формы мышления и бытия³. Логико-онтологический статус категорий, с одной стороны, характеризует их как структурные характеристики объективной реальности, с другой – фиксируют категории как определенный способ членения и синтеза ее объектов. Облекаясь в философские понятия бытия и небытия, тождества и разли-

¹ Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 45.

² Щербина В.В. Существует ли сегодня наука социология? // Социологические исследования. 2012. № 8.

³ Книгин А. Н. Учение о категориях. [Электронный ресурс]. Томск : ТГУ, 2002. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/knigin_kategorija/04.aspx.

чия, сущности и явления, формы и содержания, необходимости и случайности, возможности и действительности, эти категории генерируют универсальные матрицы, необходимые для научного исследования до того, как они приступают к изучению своих объектов. Развивая свои категории, философия готовит для естественных и социальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата¹.

История социологии с ее классическим двойным вопросом – как *возможно* общество и как *возможна* сама социология – на теоретическом уровне разворачивается, реализуется в контексте категории возможности. Но такая логико-онтологическая артикуляция основного вопроса социологии, будучи уникальной в истории науки, вызывает ряд вопросов и предположений.

1. Является ли использование категории возможности имплицитным (рефлексивным)? Если да, то как ее функциональное использование повлияло на становление и развитие социологии?

2. Если фундаментальные категории являются универсальными формами бытия и мышления, может ли категория возможно/возможности претендовать на статус фундаментальной социальной константы², являясь универсальной характеристикой социального бытия и социологического мышления? Если да, то какие эпистемологические возможности открывает категория возможности в социологическом знании и может ли социология претендовать на особый тип социального мышления?

Типологически категория возможности относится к модальным категориям. Модальные категории (от лат. *modus* – мера, способ) – это понятия, с помощью которых с той или иной позиции конкретизируется характер связей и отношений объектов. Онтологические модальности отражают способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления, гносеологическая (логическая) модальность – способ понимания, суждения об объекте, явлении или событии.

В онтологии категория возможности соотносима с категорией действительности. Возможность и действительность как модальные характеристики бытия выражают тенденцию становления и ставшую реальность. Выступая в качестве парных категорий, возможность и дей-

¹ См.: Степин В. С. Прогностическая функция философии // Вопросы философии. 1985. № 4.

² Ильин В. В. Социология как фундаментальная наука // Социс. 1994. № 3. С. 29–35.

ствительность могут быть охарактеризованы с точки зрения взаимоперехода: возможность возникает в рамках действительности как одна из тенденций и потенциальных перспектив ее эволюции, презентуя будущее в настоящем, воплощая тем самым эволюционный потенциал действительности¹. Возможности принадлежат все определения, выражающие в той или иной мере возможное, т. е. не существующее в действительности, но могущее быть.

В гносеологии синонимом возможности является осмысленность, непротиворечивость. Осмысление объекта знаний – это осмысление его возможности существования. Желая осмыслить какую-то вещь, мы пытаемся понять возможность этой вещи. Один аспект этого понимания связан с представлением пространства возможных состояний этой вещи, другой – заключается в понимании, почему именно этот вариант вещи актуализирован в данный момент. В логике суждения возможности носят гипотетический характер, в отличие от ассерторических суждений необходимости и аподиктических суждений действительности.

Если онтологическая модальность связана с предикатом *быть*, гносеологическая – *знать*, то в эпистемологии модальность возможного связана с модальным предикатом *мочь* (как можно получить истинное знание, каковы условия возможности получения достоверного знания). На эпистемологию возлагаются обязанности открывать с помощью логического анализа фундаментальные принципы научного знания.

Рассуждая о различных типах эпистемологического знания, К. Мангейм редуцирует последние к возможным способам постановки проблемы. По его мнению, существует определенная логическая связь между формулировкой проблемы и предлагаемыми решениями. Способ, которым ставится проблема познания, предписывает возможные теории познания. Именно вопросы определяют тип представляемых наукой объяснений: «нельзя получить ответ вне области возможных ответов, нельзя узнать того, о чем не спрашиваешь».

Способ полагания проблемы познания общества, озвученный в форме вопроса о возможностях, восходит к эпистемологическим традициям Канта. Задаваясь вопросом о возможности математики и точного естествознания как самых надежных и продуктивных для того

¹ См.: Балашов Л. Е. Философия : учебник. [Электронный ресурс]. М. : Дашков и К, 2009. URL: http://www.vladimirpeople.com/osa/02_balashov_01.html.

времени научных дисциплин, Кант стремится найти условия возможности определенного рода суждений, истинность которых представляется ему бесспорной. Вопрос о возможностях выражает не неведение относительно конечного решения», а «некоторый способ приостановки действительности суждения, который может быть классифицирован не как утверждение или отрицание», а как проблема поиска основных предпосылок знания и значения этих предпосылок.

Изначальная постановка основного социологического вопроса относится к донаучному периоду формирования социологической науки и принадлежит философским просветителям Нового времени Руссо и Гоббсу.

Созданная ими теория общественного договора явилась своеобразным ответом на вопрос: как возможно общество, если в нем существует война всех против всех? Трансформируемый в идею социального порядка, этот вопрос на долгое время определил основную проблематику социологических теорий.

Научно-институциональное оформление социологии начинается в тот период, когда другие науки уже приобрели свой классический дифференцированный вид. Нахождение своего места в сложившемся научно-дисциплинарном пространстве так или иначе предопределили поиски ее эпистемологической автономии. Онтологический вопрос об условиях существования общества, поднятый французскими просветителями, одновременно приобретает эпистемологическое оформление в вопросе о том, как возможна социология как наука.

Конт О. в рассуждениях о назначении новой «позитивной философии», которая в своем развитии должна превзойти временное единство теологического и метафизического мышления, напрямую апеллирует к Канту. Логические потребности социологии по Конту – «удовлетворять одновременно требованиям порядка и прогресса». Порядок и прогресс, рациональное объяснение и предвидение, статика и динамика – те шесть, по выражению самого Конта, категорий, которые должны привести к единому универсальному закону позитивной философии. Понимая ограниченность человеческого познания и относительность научных истин, Конт открыто признает «прямую невозможность приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира». Возможность снятия этого

противоречия основатель социологии находит в установленном Кантом «блестящем общем различении» между субъективной и объективной точками зрения, свойственного всякому исследованию – «строить логическое единство каждого изолированного ума и продолжительное согласие между различными умами». Поступательный и преемственный характер развития научного знания у Конта коррелируется с конвенциональностью как одним из критериев достоверности научного знания.

В своем стремлении размежеваться с философией и другими социальными науками социология изначально не только полагает свой предмет, но исследует предпосылки собственного знания, что может определять ее как эпистемологический тип знания. Мангейм писал, что «если научные дисциплины отвечают на вопрос: – что это? прилаживая определенный элемент к контексту, "упорядочивают" этот элемент, ничуть не заботясь о том, чтобы исследовать контекст особого и в целом», то эпистемология определяет природу своего предмета, переводит вопрос о природе познания в плоскость предпосылок познания. Тот факт, что формировать самосознание новой науки ее основатели начинают с выбора эталона научности, коим признаются методы естественных наук, лишь подтверждает эпистемологические интенции ее создателей.

Эпистемологическая версия новой социальной науки в ее гипотетической модальности возможного исторически обуславливалась, прежде всего, теми глубокими изменениями социально-экономического и мировоззренческого характера социальными переменами, которые происходили в Европе в канун XIX столетия. Общество мучительно переходило от средневекового сословно-монархического устройства к новым, капиталистическим формам организации экономической политической жизни. Основанное на достижениях научно-технического прогресса быстрое развитие экономики с одной стороны, а с другой – нарастание динамики социальных конфликтов, приводят Конта к мысли о фундаментальном противоречии идеи порядка и идеи прогресса. «Созерцание» этого противоречия определило контовский способ полагания проблемы познания общества – как возможно общество, если необходимые условия его существования не совпадают с реальными? Условием возможности общества у Конта становится сама социология, которая не только описывает общество, но и становится его основной организующей

силой. Естественный порядок, убеждает Конт будущих социологов, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответствующих явлений, должен быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо изменять его в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если такое вмешательство невозможно. Иначе говоря, общество будет возможным, если в нем будет социология.

Взаимозависимость онтологического и гносеологического статуса категории возможности в исследовательской программе Конта создает эпистемологическую ситуацию круговой причинности, замысел и интрига которой дешифровывалась социологией на протяжении всей ее истории. Причиной тому – интеллигибельность объекта познания, т. е. его сверхчувственность, умопостигаемость. Вопрос о том, как «чистая», по Конту, социология, гносеологически изоморфная естествознанию, может познавать не обладающую свойством чувственной наглядности социальную реальность – предмет обсуждения на протяжении всего развития социологической науки.

«Решившись посмотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, – рассуждает Г. Спенсер, – мы должны спросить себя – что это за предмет, какому роду объектов его отнести? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения»¹. Доказывая способность положительного мышления к умозрительной жизни, Конт наряду с опытом вводит еще одну гносеологическую переменную – рациональное изучение, которое в социальную науку «входит двояким путем – в виде неизбежного элемента и в виде основного ведения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины». Социальная наука, по Конту, устанавливает уникальную связь, одновременно логическую и научную, «которая отныне заключает в себя все наши действительные созерцания»².

¹ Спенсер Г. Основания социологии // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. М. : Наука, 1994. С. 45.

² Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. М. : Наука, 1994. С. 32.

Однако для умозаключающих дисциплин, в противоположность описательным, характерно, что любой ответ является не истинным, но *возможным*. Там, где вопрос направлен вовне того, что представляется, можно умозаключать и конструировать¹. В первую очередь это проявлялось в конструировании предмета исследования в разных социологических школах. Подобно тому, как чисто логический субъект в системе Канта в корреляции с «вещью в себе» принимает способ ее онтологического существования, логические связи в процессе конструирования предмета переопределяются как онтологические. Вопрос «как возможно?» трансформируется в вопрос «как должно быть». Отношение между обществом и социологией в ее истории рассматривается как «отношение между познающим и долженствующим быть узанным»². Гипотетический характер суждений возможного, транспонируемый в формат необходимого и должного, изначально создает вероятность разноречивых и конструктивных решений эпистемологических проблем социологии. По меткому выражению Ю. Л. Качанова, социальная реальность как «небытийственное бытийствование социального мира» становится «возможностью возможности любой возможной социологии»³. Иначе говоря, категория возможности, эпистемологический статус которой был задан Контом, явилась той универсальной матрицей исторической логики социологического мышления, которая позволяла конструировать разные предметные модели и социологические методы.

Заметим, что идеи эпистемологического релятивизма в современной теории познания возникают лишь начиная с середины XX столетия. Возникновение новых научных направлений и дисциплин (квантовая механика, синергетика, теории прикладного системного мышления) задают новый контекст понимания знания и его получения. Процесс конвергенции науки и технологий XXI столетия изменяет структуру и функции научного знания. Оно органически начинает сочетать функции научного познания и технологического конструирования новых объектов, интегрирующих в себе физические, химиче-

¹ Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии // Специализированная информация по общакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования». М. : РАН ИНИОН, 1992. С. 61.

² Там же.

³ Качанов Ю. Л. Начало социологии. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/kachanov_yu/nachalo_sociologii/.

ские, биологические, информационные, психические и социально-значимые свойства. В это же время трансформируется классическая для научного мышления парадигма субъект-объектного отношения. Так описание микрообъектов в квантовой механике в сравнении с классической физикой перестает носить объектный характер, а субъект познания включается в объектное описание. Получение знания становится невозможным без идеи реализации внешнего наблюдателя. Новое понимание мышления, как субъект-предметного отношения при возрастании роли субъектности и понимания конструктивного характера познавательной деятельности отразилось в такой эпистемологической парадигме, как конструктивизм. Возникнув в 1950-е гг., конструктивистская парадигма сегодня является современным трендом в эпистемологии¹. *В социологии эта парадигма возникает в момент ее создания.* Теоретическое пространство социологии с ее различными объяснительными схемами, теориями и фундаментальными концепциями с самого начала формируется как ресурсное поле возможных описаний общества, задолго опережая процесс институционального оформления идей конструктивизма.

В классической социологии онтология основного вопроса «как возможно общество?» переформатируется в контексте той же категории возможности в два основополагающих вопроса – «как устроено общество?» и «как возможен социальный порядок?» Социальные факты и органическая солидарность Э. Дюркгейма, социальное взаимодействие Г. Зиммеля, социальное действие М. Вебера – те разнокачественные формы социальной реальности, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира.

Конструирование различных предметных инвариантов в классической социологии сопровождается разворачиванием дискуссии о ее возможных методах. Предметом обсуждения являлся спор, более чем на полвека разделивший не только логиков и методологов, но также обществоведов на две научные школы. Одни вслед за Контом признавали номотетические методы естественных наук единственно научными и абсолютно приемлемыми для изучения социальной реальности. Другие, отмечая фундаментальное различие социального мира

¹ Маркова А. А. Смена базовых оснований философии наук // Эпистемология: перспективы развития. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С. 296.

и мира природы, ратовали за идиографические методы, ориентированные не на объяснение, а понимание социальных процессов¹.

Так возникает понимающая социология Макса Вебера. Категория возможности в социологии Вебера является одной из центральных категорий и выступает в нескольких ипостасях. Первый аспект – гносеологический. В статье «Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом рассмотрении каузальности» Вебер называет категорию возможности «формующей» категорией, выполняющей функцию отбора включенных в историческое изображение каузальных звеньев². Как инструмент детерминационного анализа, категория возможности используется им при различении «становления» и «ставшего» в истории и исторической науке. Категория возможности соотносится у Вебера с процессом формирования некоторого исторического результата, тогда как «сформировавшийся» результат является собой необходимостью³. Инструментально-методическая значимость категории «возможности» позволяет Веберу рассматривать возможность как один из вспомогательных приемов абстрагирования, т. е. мысленного отвлечения одного из причинных элементов (формальная возможность по Гегелю).

Второй аспект – аксиологический, включающий оценку конкретного исторического результата как реализовавшейся возможности. Сравнительная оценка этой реальной возможности осуществляется на основе незаменимых культурных ценностей. В рамках ретроспективного анализа, мысленное конструирование хода событий, измененного в отношении одного или нескольких условий, позволяет, как считает Вебер, определять значимость исторического события.

Третий – прогностический. Исторический результат используется как средство, обеспечивающее переход от одной гипотетической возможности к другой, как инструмент конструирования новых и новых возможностей, как опрокидываемых в прошлое, так и проеци-

¹ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль : Тексты / под ред. В. И. Добренькова. [Электронный ресурс]. М. : Изд-во МГУ, 1994. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>.

² Вебер М. Критические исследования области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 464–493.

³ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология // Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М. : Мартис, 1998. С. 73.

руемых в будущее¹. Чтобы добиться каузального объяснения к цепочке мотиваций, додумываются отдельные составляющие и конструируется вероятное протекание действий. Использование категории возможности в значении «вероятности» выявляет ее прогностическую функцию.

Наконец, еще один функциональный аспект использования искомой категории – онтологический. В работе «Основные социологические понятия» наряду с немецким «die Möglichkeit» (русский пер. – возможность) Вебер употребляет понятие «die Chance», что правильнее переводить как шанс. В первом варианте категория «возможности» используется при характеристике целерационального поведения. Целерационально действует тот, уточняет Вебер, кто ориентирует свое действие в соответствии с целью, средствами и побочными следствиями, рационально взвешивая средства относительно целей, цели относительно побочных последствий и различные возможные средства между собой. Вписанная в диалектику целей и средств, категория «возможности» у Вебера является важной характеристикой социального действия.

Понятие «шанс» Вебер соотносит с понятиями социального отношения и социального порядка. Социальным отношением по Веберу называется поведение нескольких людей, которое по своему смысловому содержанию взаимно ориентировано и тем самым взаимно настроено². Социальный порядок возникает тогда, когда смысловое содержание социального отношения ориентировано на обязательное или образцовое. Долженствующее быть обязательным повышает шансы на то, что действие будет ориентировано на этот порядок. Так вопрос «как возможно общество?» у Вебера переформатируется в вопрос о возможности социального согласия, а именно, «как возможно, чтобы шанс на согласие реализовался?» Социальное отношение всецело и исключительно является шансом на то, что будут совершаться (осмысленно) определенные социальные действия независимо от того, на чем этот шанс основывается – идет ли речь о государстве, церкви, товариществе, семье и т. п. Социальное отношение наличествует исклю-

¹ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология // Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М. : Мартис, 1998. С. 81.

² Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология : Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 31–97.

чительно как шанс возникновения того, что действований по своему смысловому содержанию явственно взаимно настроенные, совершались, совершаются или будут совершаться. Шанс, что это произойдет, определяет значимость социального порядка.

Традиции использования в социологии категории возможности в ее эпистемологическом, гносеологическом и онтологическом статусе, сформировавшиеся в процессе становления социологической науки и классический период ее развития, воспроизводятся и в современных социологических теориях. В первую очередь это относится к теориям социального конструктивизма, развивающие эпистемологические идеи О. Конта.

Современным философским основанием социального конструктивизма стала феноменология Э. Гуссерля, конституирующая деятельность сознания в протекциях – устремленных в будущее динамических траекторий, которые задают характер когнитивной активности в настоящем. Программный тезис радикального конструктивизма был сформулирован представителем когнитивной биологии У. Нассером, квалифицировавшим конструктивизм как *эпистемологию возможностей*. Окружающий мир в конструктивистской парадигме – это мир опыта, в котором субъект познания выполняет роль наблюдателя, а объект «предоставляет возможности» быть познанным или непознанным. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя, наблюдение создает самого наблюдателя. Паттерны обоюдного конструирования, структуры объективного и субъективного сопряжены, конгруэнтны¹.

Одной из значимых концепцией социального конструктивизма является теория социальных систем Н. Лумана. Модифицируя понятие аутопойезиса Ф. Варелы и Х. Матураны, Н. Луман превращает его в конститутивное обозначение социальных систем. По Н. Луману, социальные системы – это самовоспроизводящиеся и самореферентные системы, изучение которых сталкивается с парадоксами, логическими и теоретическими трудностями, поскольку общество есть сам себя описывающий объект. Парадоксальность социологии раскрывается Луманом через различение двух изначально стоявших перед социологией, основных вопросов – «что происходит?» и «что за этим кроется?» Двойственная перспектива этих вопросов по определению

¹ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание // Эпистемология: перспективы развития. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С. 338–339.

делает социологию научной и общественной. Как внутренний наблюдатель системы она не может рефлексировать в различении субъекта и объекта, как если бы она была субъектом, а общество или наука – ее объектом, подобно физическому наблюдению она своим наблюдением меняет свой объект. Выход из создавшейся ситуации Луман связывает с проблемой разрешения двойной возможности/двойной контингентности. Парадокс двойной возможности в качестве проблемы социального порядка был сформулирован Парсонсом¹. В процессе коммуникации ее субъекты ориентированы на взаимные поведенческие ожидания. Двойная неопределенность этих ожиданий блокирует социальный порядок. Только на основе ценностного консенсуса коммуникация может продолжаться. Признавая теорию Парсонса как одну из величайших в методологическом плане, Луман не соглашается с тем, что социальный порядок не объясняется, а закладывается в теорию в качестве предпосылки. «Четырехфункциональную парадигму» Парсонса, считает он, следует рассматривать не как факт, а как *модель возможностей*. Луман убежден в том, что коммуникативная ситуация двойной возможности, с одной стороны, объясняет природу социальности, с другой – является основой социального порядка. Двойная возможность вызывает необходимость согласования перспектив, отбора возможностей, обеспечивающих существование системы. Этот отбор осуществляется через взаимодействие системы и среды. основополагающей характеристикой системы и среды является комплексность – пространство возможностей «переживания и действия». Взаимодействие системы и среды осуществляется по принципу их структурного соответствия. Разграничение системы и среды происходит через самореференцию как процесса установления самоидентичности и самоотнесения. Двойная контингентность – это зависимость социологии от теории и наблюдения. Социальные системы суть самореферентные системы, основная операция которых, коммуникация, постоянно вынуждает их наблюдать самое себя (как сообщение – то, что происходит здесь и сейчас) и иное (как информацию – значение происходящего). Задача социологии, по утверждению Лумана, – реализовать коммуникации как наблюдение второго порядка. Наблюдение второго порядка – выявление значимости как отношения к значению, как

¹ Луман Н. «Что происходит» и что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 204.

единства возможных значений (того, что кроется за происходящим). Различение возможных значений – это смысл. Категория смысла образуется в расхождении действительного и возможного, иначе говоря, смысл задается модальностью. Следствием двойного наблюдения является устранение онтологической латентности, связанной с ответом на вопрос «что за этим кроется?»; сама латентность переводится в модус контингенции – «она всегда возможна и по-другому, и можно знать, от чего это зависит, т. е. можно также знать не то, как этого избежать, а то, как этим управлять»¹.

Еще один представитель радикального конструктивизма П. Бурдьё, характеризуя современную познавательную ситуацию в социологии, сетует на утрату такой исследовательской процедуры, как конструирование научного объекта². Причиной тому явилось деление на теорию и методологию, а следствием – эпистемологическая оппозиция различных школ в социологии. Монотеизм – так характеризует Бурдьё строгое следование определенной школы определенному, часто одному методу. Проповедуя принцип радикального сомнения, социологи, по мнению Бурдьё, должны занять активную позицию по отношению к фактам, конструируя конкретный случай *как особый случай возможного*, выделяя в нем общие и инвариантные свойства. Второй возможный способ конструирования – сравнительный метод аналогий на основе структурных гомологий, существующих между различными полями (например, между полем академической власти и полем религиозной власти) или между различными состояниями одного и того же поля (например, религиозное поле в Средние века и сегодня). Наконец, еще один метод конструирования объекта – это обращение к истории социальных проблем, исподволь, окольными путями проникших в социологию и образующих эпистемологические бреши в социальных науках.

Продолжением дискуссии о том, как возможна социология и каковы социологические возможности, является работа Э. Гидденса «Новые правила социологического метода». Постулатам структурно-

¹ Луман Н. «Что происходит» и что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 204.

² Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология. Антология: в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 95.

функционального анализа, ведущим, по убеждению Гидденса, к концептуальному уничтожению активного субъекта, он противопоставляет теорию структуризации, в соответствии с которой действие агента является не только принуждающим со стороны социальных структур, но детерминируется внутренними побуждениями самого действия, его структуры. Действие рассматривается как воспроизводство условий, которые делают *возможность* деятельности агента. В структуре действия Гидденс, основываясь на философии Гуссерля, особую роль отводит интенциональности. Понятие интенции соотносится с целенаправленным поведением, но как намерение, как возможность сделать нечто. *Возможностное выражение действия* («мог бы поступить иначе») отражает *проектность* человеческого действия¹. Проект воплощает целый ряд интенциональных способов деятельности. Что делает агент и что намеревался делать – вопросы, которые задают двойную герменевтику социальных наук в отличие от наук естественных.

Онтологическую традицию социологической трактовки категории «возможность» продолжают постмодернистская теория общества З. Баумана и социология социальных изменений П. Штомпки. С большой тревогой и неудовлетворенностью З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» на феноменологическом уровне выявляет характерные черты того типа общества, которое возникло на Западе в последние десятилетия. Воспроизводя логику Вебера, Бауман использует риторику и стилистику модальности возможного в раскрытии вопросов социального порядка, рационального поведения и социальной иерархии. Главная привлекательность порядка в том, что он, по мнению Баумана, обеспечивает возможность с большей или меньшей вероятностью предсказывать результаты наших поступков и тем самым гарантирует определенную безопасность. В современном порядке не хватает внятного распределения вероятностей. Порядок имеет место, если бы возможным было не любое событие, если бы каждое событие было не в равной степени вероятным. В том случае, когда шансы любого события представляются равновероятными, следует говорить о хаосе. Порядок дает возможность предсказывать и тем самым контролировать результаты своих поступков. Хаос разрывает связи между действием и их последствием, увеличивая

¹ Гидденс Э. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 97.

риски как возможные неблагоприятные события. Любая попытка привести «вещи в порядок» приводит к оперированию вероятностями тех или иных событий. Как следствие, уверяет Бауман, возникает всепроникающее ощущение утраты контроля над настоящим. Это в свою очередь ведет к параличу политической воли, к утрате веры в то, что коллективным образом можно чего-то достичь, а солидарные действия способны внести решительные перемены. Существующая ситуация расценивается как должное, высшая необходимость, в которую люди могут вмешаться во вред самим себе¹. Любой вид социального порядка может быть представлен как сеть каналов поиска жизненных смыслов и передачи открытых смыслов. Бауман, следуя Веберу, считает, что главной задачей социологии является активное участие в продолжающихся усилиях по переосмыслению того меняющегося состояния, в котором оказываются «все более индивидуализированные индивиды, борющиеся за внесение смысла и цели в своей жизни. Энергию, с которой внушающая благоговение возможность наживать капитал постоянно генерируется и никогда не утоляется до конца жаждой поиска смысла жизни, нужно направить в нужное русло и найти ей разнообразные применения. Суть социологической задачи состоит не в корректировке здравого смысла, не в открывании перед человеком достойных реализации возможностей, а в предотвращении отказа от их анализа, в противостоянии их подмене или простому уходу из поля зрения. Призвание социологии в наши дни, по Бауману, лежит в спасении человеческого универсума от его закостенения, от превращения современной цивилизации в такое состояние, когда выбирать станет не из чего. Деликатно оценивая концепцию инструментальной рациональности М. Вебера, подчеркивая ее исторический характер, Бауман прогнозирует медленное угасание ее значимости. И далее он поясняет, что во времена Вебера инструментальная рациональность служила главным фактором, регулирующим человеческое поведение. В условиях, когда цели казались уставленными, людям оставалось лишь выбирать наилучшие средства для их достижения. Основным источником беспокойства и неуверенности была лишь неопределенность в оценке эффективности этих средств. Сегодня, по мнению Баумана, избыток средств (возможно-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 156.

стей) спровоцировал поиск целей. Время, когда готовые решения предлагались для еще даже не озвученных проблем, прошло. С другой стороны, сами цели стали неопределенными и расплывчатыми, оказываясь наиболее глубоким источником беспокойства. Для примера Бауман приводит маленькое объявление в колонке «Ищу работу» в одной из британских газет: «Имею автомобиль, могу путешествовать, жду предложений». «Чем не точная и уместная характеристика тех обстоятельств и условий, в которых люди оказались в наши дни», – замечает Бауман¹. Оценивая перспективы западного мира в контексте эволюции предпочтений и целей личности, он отмечает наличие биографических системных противоречий, одно из которых – противоречие между возможностью выбора в ситуации огромного набора предлагаемых возможностей и проблемой выбора этих возможностей, точнее, отсутствием реальных возможностей. «Эпоха модернизи, – сетует Бауман, – открыла путь в эру постоянной дисгармонии между желаниями и возможностями»². Большинство людей в условиях нехватки средств не имеют возможности достичь достойных и привлекательных целей, что препятствует рациональным действиям и вызывает торможение, бессмысленную, лишённую цели агрессию. Сфера условий, не зависящих от нашего выбора, и область действий, благоприятных для расчетов, оценок и решений, разделяются между собой, между ними образуется объективная граница. Заданность границы оказывается важным, если не решающим фактором, делающим «условия» тем, чем они являются: ограничениями, которые не выбирают. «Условия» лимитируют человеческий выбор, поскольку оказываются внешними по отношению к жизненным играм с их целями и средствами.

Трактовка возможности как условия, средства и цели в контексте рационального поведения так же, как и у Вебера, дополняется понятием шанса. Вместе с тем если у Вебера следование социальным правилам и нормам априорно определяло повышение жизненных шансов, то в современных условиях, по Бауману, люди страдают от ничтожности своих шансов в мире, который бахвалится тем, что предлагает беспрецедентные возможности всем и каждому. В мире, где будущее исполнено опасностей, любой неиспользованный шанс немедленно оказы-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 160.

² Там же. С. 160

вается упущенным. Цитируя З. Фрейда, Бауман сожалеет о том, что цивилизованный человек променял часть своих шансов на определенные элементы безопасности¹.

Потеря человеком контроля над собственными условиями экономической жизни порождает неопределенность, которая приводит к изменению системы ценностей. Люди, стремясь приспособиться к изменяющимся условиям, начинают сами отрицать стабильность и длительность как важные условия нормального существования. Возникает ощущение разъединенного времени, угрожающего способности составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Фрагментация социальной действительности приводит к тому, что сами люди все чаще и охотнее отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной».

Еще один аспект «возможностной» социологии Баумана – характеристика возможностей как ресурса и условия социальной мобильности. Постоянный диссонанс между «я хочу» и «я могу», а точнее, между превышением желаний над наличными возможностями их удовлетворения, становится ведущим принципом социализации на всех его «аналитических уровнях»: формирования собственного «я», социальной интеграции и системного воспроизводства. Однако на разных ступенях социальной иерархии набор возможностей, определенный в качестве ресурсов, необходимых для реализации жизненных целей, тоже разный. Такие ресурсы, как время и пространство, по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Входным билетом в новую глобальную элиту является готовность жить среди хаоса и способность процветать в условиях неустроенности. «Клубной картой» и «визитной карточкой», т. е. индикаторами высокой социальной позиции, являются умение позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться в плену когда-то избранной специальности, а также согласие разрушить созданное собственными руками и начать новый проект².

Бауман вспоминает, что Дюркгейм указывал на социальные ограничения, как на необходимые условия «подлинной свободы» (геге-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 175.

² Там же. С. 162.

левское предписание – свобода как понятая и осознанная необходимость). Сегодня эта стратегия применяется исключительно к «андер-классу», новым бедным, получателям социальных пособий – к людям, которые, по общему мнению, не способны справиться с характерным для них конфликтом между желаниями и возможностями. В условиях общества постмодерна претерпевает изменение и сама идея прогресса. Прогресс более не является временным делом, приводящим в результате к совершенству, когда делается все, что должно быть сделано, и в дальнейших переменах нет необходимости. Прогресс становится вечным состоянием, самым содержанием жизни. «Прогресс оказывается дерегулирован и приватизирован», – считает Бауман¹. Он дерегулирован, поскольку элемент новизны всегда дискуссионен. Он приватизирован, поскольку принадлежит каждому человеку, от которого ждут, что он индивидуально воспользуется своим умом, ресурсами и трудолюбием. Однако когда господствует неопределенность и неуверенность, планы на будущее становятся временными и неустойчивыми. По убеждению Баумана, история больших и долгосрочных проектов будущего закончилась. Чем слабее контроль человека над настоящим, тем сами отрезки времени, называемым «будущим», становятся короче. В жизни, управляемой принципом гибкости, стратегии, планы, желаниями и проекты могут быть лишь краткосрочными, ориентированными на разовое решение проблемы, локализованные во времени и ограниченные наличествующими ресурсами.

Особое внимание Бауман уделяет современным образовательным проектам. Современный кризис в сфере образования, по мнению Баумана, – это кризис унаследованных институтов и философий. В мире, характеризующемся эпизодичностью и фрагментарностью социального и индивидуального времени, университеты, будучи обременены историческим опытом и чувством линейного времени, ощущают себя неудобно. Относительно тесная связь между развитием научного дискурса и ужесточением надзора и контроля над образованием сопровождается влиянием современной технологизированной науки на коммерциализацию образования. Университеты превращаются в коммерческие предприятия, выискивая обнадеживающие перспективы там, где раньше виделись лишь опасности. В отчаянном

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 162.

стремлении выдать необходимость за возможность, носители знания превращаются в ревностных сторонников привнесения рыночных критериев в университетскую жизнь: то, насколько тот или иной курс или проект хорош и основателен, ставится в зависимость от его шансов на рынке, от его продаж и продаваемости¹. В мире несогласованных потребностей, *самовоспроизводящихся возможностей* и самоумножающихся альтернатив, где никто не может предсказать, какие специальные знания могут понадобиться, необходимо показывать наличие многообразных путей достижения высшего образования. По мере угасания надежды на разумный контроль над социальной средой, адаптивная ценность проектов вторичного третичного образования становится все более очевидной. Профессиональная краткосрочная подготовка на рабочем месте под руководством работодателей, ориентированная непосредственно на конкретные виды деятельности, а также гибкие курсы для самоподготовки, предлагаются на рынке без посредничества университетов, становятся более привлекательными, нежели полноценное университетское образование².

Квинтэссенцией модализирования в социологии, сосредоточившей модальность возможного на уровне предметности, стала, безусловно, теория социального становления П. Штомпки. Прекрасно ориентирующийся в методологических проблемах французского структурализма, Штомпка суммирует отличительные черты всех деятельностно-акционистских теорий и выделяет специфику восприятия социальной реальности в этих теориях в виде некоторого коэффициента деятельности³. Социальные изменения имеют форму самотрансформации, а основным двигателем изменений выступают индивиды и социальные коллективы. Их взаимообмен действиями и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации. Так в теории «активного общества» А. Этциони, названной позднее «теорией самонаправленности», механизм непрерывного социального движения заключается в «самозапускаемой преобразовательности» и «творческой респонсивности», т. е. способности творчески отзываться на воздействия. Теория А. Турена описывает образ самовоспроизводящегося общества. Идея самоструктурирования общества высказывается

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 162.

² Там же. С. 165.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 253.

Э. Гидденсом в его теории структуриации и теореме дуальной структуры, согласно которой структурные свойства системы являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются социальные системы. Теория морфогенеза М. Арчер рассматривает морфогенетическую перспективу через уникальное свойство социальных систем к радикальному переструктурированию. Историческая социология представлена у Штомпки двумя авторскими концепциями. Первая – теория фигураций Н. Элиаса. Социальной статике Элиас противопоставляет «процессуальную перспективу» – изменения в обществе не имеют автоматического и неизбежного характера, этот процесс обусловлен людьми в их сложном взаимодействии, которые Элиас назвал конструциями социальной реальности или фигурациями. Еще один представитель исторической социологии, упомянутый Штомпкой, Ф. Абраме. На смену традиционному противопоставлению статике и динамики, структуры и действия, по мнению Ф. Абраме, должна прийти идея процесса. Процесс строится из исторических событий, событие и есть момент становления, в котором «встречаются» действие и структура. Социологи должны быть заняты событийностью, потому что именно так происходит структурирование¹.

Конституирование Штомпкой социологии социальных изменений является своеобразной методологической предпосылкой создания теории социального становления. Штомпка П. сосредоточивает свое внимание на всепроникающих динамических качествах социальной реальности, на его «процессуальном образе», «образе поля»². При характеристике динамического социального поля Штомпка выделяет четыре вида социальной ткани или сети – *сплетение идей, правил, действий и интересов*. Взаимосвязанная сеть идей образует социальное сознание и определяет идеальное измерение поля. Взаимосвязанные сети правил (норм, ценностей, предписаний, идеалов) предписывают социальные инструкции и образуют нормативное измерение. Социальная организация общества возникает вследствие взаимосвязанных сетей действий и отражает интеракционное измерение. И, наконец, сети интересов, куда включаются жизненные шансы, возможности, доступ к ресурсам, представляют социальную иерархию и отражает измерение поля по шкале возможностей. И интеракционист-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 262.

² Там же. С. 25.

ское и *возможностное измерение* относятся к социетальной ткани. Для выражения многомерности поля Штомпка употребляет понятие социокультурного поля. На каждом уровне социокультурное поле подвергается постоянным изменениям: возникновение и уничтожение идеологий, теорий, доктрин; пересмотр норм, ценностей, правил; дифференциация и реформирование каналов взаимодействия, организационных групповых связей; кристаллизация, утверждение и перегруппировка возможностей, интересов, жизненных перспектив, динамика социальных статусов, распределение и упорядочивание социальных иерархий.

Раскрывая механизм социальных изменений, Штомпка выделяет два уровня (индивидуальный и уровень социальных общностей – социальных целостностей) и два способа существования социальной реальности. Социальная реальность существует в качестве *потенциальной возможности и действительности*. Под потенциальной возможностью он понимает внутренние тенденции, «семена или зародыши будущего», способности, возможности, силы. Действительность же связана с процессами, развитием, поведением, деятельностью. Каждый способ может быть обнаружен в основных компонентах социального мира. Соединение двух уровней и двух способов образует у Штомпки категориальную модель, состоящую из структуры, деятелей, деятельности и действия¹. Для объяснения своей модели Штомпка использует понятие «интерфейс», с помощью которого в компьютерных дисциплинах описывается состояние совместимости систем или программ, когда одна система раскрывает возможности для взаимодействия с другой системой или программой. *Структуры рассматриваются как потенциальные возможности, раскрывающиеся в деятельности, а деятели (агенты, субъекты) – как потенциальные возможности, реализующиеся в действии*².

Для характеристики потенциальной возможности центральной категорией является деятельность, осуществляемая и агентами, и структурами. Принцип отождествления модальной и деятельностной реализации становится основным объяснительным принципом в теории социального становления Штомпки. Именно деятельность выступает отношением между действительностью и возможностью.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 268.

² Там же.

Действительность, с одной стороны, – это модальная категория, с другой – мир, опосредованный, пронизанный деятельностью. Реализация – это осуществление возможности в действительности: когда потенцирование завершено, тогда происходит выбор из пространства возможностей и выбранное реализуется в действительности. Базовой характеристикой действительности является практика, складывающаяся из функционирования структур и действий агентов¹. Свойства тех и других рассматриваются по принципу комплиментарности. Так, свойства систем рассматриваются и как средство, и как результат практики, которые они организуют. Свойства агентов являются и продуктами структур и ресурсами для их построения.

Потенциальную возможность и действительность связывают три последовательности: структуры, раскрывающиеся в оперировании (функционировании); агенты, мобилизующиеся в действии; синтетический процесс деятельности, эвентуализирующейся в практике. Штомпка отмечает конструирующий характер деятельности, так как деятельность преобразуется практикой. По мнению Штомпки, происходящие на сегодняшний момент социальные события соединяющие в себе деятельность структур и действия субъектов (практику) в любой данный момент времени, воздействуют как на структуры (модифицируя или создавая новые сети отношений), так и на субъектов (модифицируя или формируя их внутренние способности) в следующий момент времени. В результате возникает модифицированный или новый вид деятельности. Социальные условия для осуществления практических действий меняются. Если в результате происходят какие-то события, то они находят свое выражение в новой практике, которая, в свою очередь, соединяет деятельность новых структур и действия новых субъектов. Затем новая практика начинает аналогичный цикл, который, изменяя структуры и субъектов, модифицирует деятельность и способы ее реализации, что приводит к появлению следующего, модифицированного вида практики. Эта последовательность продолжается бесконечно долго, воспроизводя постоянно накапливающиеся изменения общества².

Одним из значимых вопросов теории социального становления является вопрос о прогрессе. Штомпка критикует те концепции про-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 273.

² Там же.

гресса, согласно которым критерием является реализация человеческих возможностей. «Критерий возможности, – пишет он –, часто сочетается с понятием равенства, при этом упор делается на равенство возможностей для самых широких слоев общества. В качестве измерителя прогресса принимается не наличие возможностей и их выбора, а лишь равные и всеобщие возможности как таковые»¹.

Вопрос о деонтическом статусе прогресс ставится Штомкой в модальной парадигме: относится ли он к области *необходимого или возможного*? Согласно традиционному подходу, прогресс неизбежен, необходим, поскольку подчиняется неумолимым законам эволюции и истории. Новый, «вероятностный» подход связан с современными морфогенетическими теориями. В соответствии с ним, *прогресс трактуется как возможный шанс на улучшение*, который не всегда наступает или остается незамеченным. В этом случае прогресс рассматривается как *потенциальная способность*, а не как конечное достижение, не как абсолютный внешний стандарт, а как *историческая возможность*, открытый выбор, как продукт человеческих – индивидуальных разнонаправленных и коллективных действий².

Вопрос о том «как возможен прогресс?» трансформируется в вопрос «каков образ действия субъекта, обеспечивающего прогресс?» Этот «образ действия» Штомпка описывает с помощью двух всеобъемлющих понятий – «свобода» и «самотрансценденция», т. е. способность выходить за пределы собственной возможности. Во-первых, жизнеспособный, ориентированный на прогресс субъект до известной степени свободен от довлеющих над ним обстоятельств. Он действует в пределах определенного поля потенциалов, выборов и шансов. Во-вторых, субъект способен выходить за пределы своих возможностей посредством обучения, тренировки, самоконтроля, продвижения вперед. Свойство самотрансценденции проистекает из склонности к инновациям и кумулятивного эффекта человеческого опыта. Активная интерпретация будущего предполагает его планирование и формирование³.

Итак, инвентаризация способов оперирования категорией возможности в парадигмах классической и современной социологии позволяет зафиксировать ее системообразующий характер. Эпистемологический статус этой категории, заданный исследовательской про-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Там же.

граммой основателей социологии, сформировал традиции социологического мышления, демонстрирующих открытую вариативность типов научного мышления, множественность социальных онтологий, их одновременное многообразие, взаимную корреляцию и коммуницируемость. Социология как наука формируется и развивается как эпистемология возможностей. Претендуя на «большую науку», социология оказалась не только и не столько наукой, сколько стратегией и выбором ориентации мышления¹.

Как целокупность категория возможности в истории социологии объединила в себе такие дефиниции, как вероятность и риски, необходимость и свобода, шансы и ресурсы, средства и условия, цели и технологии, что отражает ее огромный теоретико-эвристический потенциал в отраслевой социологии.

Являясь универсальной характеристикой социального бытия и социологического мышления, категория возможности может претендовать на статус фундаментальной социальной константы. Социология, как пишет американский философ Р. Рорти, привлекая внимание к множественности опытов и форм социальной жизни, показывая каждую из них как целостность, как мир со своей собственной логикой, подрывает веру в исключительность какой-либо интерпретации, стимулирует взаимное понимание и терпимость как постоянных условий общей человеческой свободы².

А. С. Ваторопин

ИСЛАМИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Результаты «Арабской весны», гражданская война в Мали снова резко актуализировали проблему исламизма, его быстрого развития и проникновения в разные регионы мира. Это относится и к России. Насколько исламизм проник в нашу страну, угрожает ей, кто является

¹ См.: Ольховиков К. М., Орлов Г. П. Категории социологии: образ мышления и словарь исследования // Социс. 2004. № 2. С. 3–12.

² Цит. по: Качанов Ю. Л. Начало социологии. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/kachanov_yu/nachalo_sociologii/.